

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Вторая любовь — последняя справедливость (перевод с английского)

По «просьбам трудящихся» выкладываю альтернативную концовку рассказа «Вторая любовь» от автора Vandemonium1. Действие начинается сразу после монолога Карен в рассказе «Вторая любовь», где вместо подзаголовка «Роберт», вступает подзаголовок «Дети».

Дети

Кевин Макдональд с нетерпением стоял в зале прилета аэропорта О’Хара в Чикаго, ожидая прибытия своего младшего брата из Лос-Анджелеса. Просматривая лица прибывающих пассажиров, он заметил свое отражение в оконном стекле и понял, что выглядит таким же изможденным, как и чувствует себя. За две ночи, с тех пор как пришло письмо от отца, ему удалось поспать всего около четырех часов. Электронное письмо доказывало, что отчуждение, которое он годами испытывал не только к своему отцу, но и к своему младшему брату, было основано на лжи. Чувство вины, раскаяния и ужасной печали за потерянные годы, которые невозможно было вернуть, съедали его заживо.

Через час после прочтения электронного письма он все еще смотрел на экран, размышляя о том, чтобы позвонить Оскару, когда тот сам позвонил ему, впервые за более чем два года. Когда младший брат услышал, насколько опустошен старший, он закончил разговор, организовал себе отпуск и купил билет на самолет так быстро, как только смог. И вот, тридцать шесть часов спустя, он выходит в холл из ворот.

Братья неловко обнялись, затем подошли к машине Кевина. По дороге к дому Кевина они молчали. Оба мужчины чертовски надеялись, что их разлука закончится, но ни один из них не знал, как начать разговор. Подсознательно они оба боялись, что их эмоциональный разрыв слишком укоренился и никогда не будет преодолен. Ни один из них не задумывался о том, что их трудности в обсуждении своих эмоций отражают трудности их отца.

Только когда Оскар устроился в запасной спальне, они перестали тянуть время и приступили к делу.

— Что случилось с мамой в Лос-Анджелесе, Оскар?

— Ну, ее визит проходил нормально, пока ей не позвонила женщина по имени Аврил.

— О, Аврил. Это — имя из нашего прошлого.

— Прошлого?

— Да. Разве ты ее не помнишь?

— Нет. А кто она?

— Ты уверен, что не помнишь? Маленькая евразийская женщина. — Когда Оскар покачал головой, Кевин продолжил выдавать информацию. — До тех пор, пока тебе не исполнилось восемь или девять лет, я полагаю, время от времени мы ездили навестить парня по имени Филипп, любовника мамы, а иногда там была женщина по имени Аврил. Иногда она присматривала за нами, в то время как мама была в спальне с Филиппом.

— Я, конечно, помню Филиппа, но не женщину.

— Ну, Аврил была женой Филиппа.

— Вообще-то, теперь, когда ты напомнил, я смутно припоминаю ее. Погоди, а разве мама и Филипп не занимались сексом в их спальне?

— Да, занимались. У Филиппа с Аврил был открытый брак.

Оба мужчины остановились, чтобы обдумать свои мысли по поводу такой договоренности.

Они оба начали чувствовать себя некомфортно, поскольку эти мысли вели к причине их отчуждения друг от друга.

Воспоминания смешались с новой информацией, и в момент прояснения Кевин теперь понял, почему визиты детей к Филиппу прекратились после одной такой поездки. По дороге домой Оскар задал несколько невинных, но сложных вопросов. Их мать дала несколько расплывчатых ответов, а затем подчеркнула важность того, чтобы не упоминать о визите отцу. Ее слова эхом отозвались в его голове:

— Ваш отец — гордый человек, он не любит, когда ему тычут этим в лицо, поэтому вы должны никогда не упоминать имена Филиппа и Аврил.

Гнев из-за воспоминаний об эгоистичной лжи матери гноился у него внутри. Чтобы отвлечься, Кевин задал вопрос:

— А что случилось, когда Аврил позвонила маме из Лос-Анджелеса?

— Ну, мама очень расстроилась, потом попыталась позвонить папе. После этого она поговорила с тобой, а я попытался позвонить папе, но он не ответил. Ты ведь тоже пытался. Верно?

По кивку Кевина Оскар продолжил:

— Мне не удалось поговорить с ней, до того как она ушла. Она всю ночь проплакала в спальне. После того как она ушла, мне показалось странным, что она вела себя так, словно папа не знал о Филиппе. Я имею в виду, что это то, что я действительно помню. Она всегда говорила, что папа обо всем знал.

Снова наступила тишина. Они оба поняли, что сейчас был момент, когда либо они снова станут братьями, или останутся чужими навсегда. Оскар нарушил тишину тихим голосом.

— Почему ты солгал мне, Кевин?

Вот оно. Суть вопроса. Основная причина, по которой Кевин не мог уснуть несколько дней. Он снова воспроизвел в уме их разговор четырехлетней давности...

Это произошло незадолго до отъезда Оскара в Лос-Анджелес, когда он испытал то, что он описал бы как кризис уважения. Тревожные воспоминания о поездках его матери к своему любовнику совершенно не сочетались с его уважением к отцу, явно умному и способному человеку. Насколько мог судить Оскар, такому, кто всегда поступал честно. Сбитый с толку своими противоречивыми чувствами, он пошел к тому единственному, кто, как он думал, поймет его: к своему брату. Он спросил Кевина, что это за история?

Кевин сказал ему, почему он не должен все выложить отцу. Его отец знал об их маме и Филиппе, но требовал того, чтобы об этом никогда не говорили. Это было из-за его гордости. Оскар был достаточно взрослым, чтобы понять это, но все же, хотел все рассказать своему отцу. Кевин полностью сочувствовал своему младшему брату. У них обоих была одна и та же дилемма. Как мог их отец ожидать, что его сыновья будут его уважать, если позволил своей жене спать с другим мужчиной? По этой причине уже разошлись Роб и его старший сын. После этого Кевин заставил Оскара пообещать не поднимать этот вопрос с их отцом, и это стало началом серьезного отчуждения между Робом и его вторым сыном. Для обоих то, что начиналось как небольшой клин, стало непреодолимой пропастью.

— Пожалуйста, поверь мне, братан, я не лгал тебе намеренно. Мама все время говорила мне, что папа о Филиппе знает, но настаивает, чтобы никто никогда об этом не упоминал. Она солгала мне, Оскар. Я виновен лишь в повторении ее лжи. Мне очень жаль, но только два дня

назад я понял, что все это было чушью.

Кевин отвел глаза, чтобы Оскар не увидел его слез. Оскар потянулся к своей сумке и вытащил ноутбук, главным образом для того, чтобы у него был повод отвернуться. Он запустил его и вытащил на экран письмо. Он знал его уже наизусть, но все равно прочитал вслух.

Мои дорогие сыновья,

Пожалуйста, простите меня за то, что я написал это по электронной почте, а не обратился к вам напрямую, но во мне сейчас слишком бушуют эмоции, чтобы я мог контролировать свои мысли и слова.

Недавно я обнаружил, что у вашей матери долгие годы был роман с другим мужчиной. По-видимому, это началось за год до моего отъезда в Кувейт и продолжалось годами после моего возвращения. Это прекратилось только с его недавней смертью.

Она призналась, что ее возлюбленный жил с вами все время, пока меня не было. Она сказала мне, что даже возила вас обоих к нему после моего возвращения.

Прежде чем впасть в панику и думать, что я испытываю в отношении вас какое-либо недовольство, выслушайте меня. Она объяснила, что всегда просила вас ничего об этом не упоминать, и я могу понять, почему вы ей доверяли. Она поставила вас в положение, когда вы либо храните ее тайну, либо разрушаете нашу семью. Как минимум по этой причине я и развожусь с мерзкой сукой. Я знаю, что для меня нехарактерно использовать подобный язык, но зная то, что я знаю теперь, я не могу рассматривать ее действия иначе как мерзость. К тому же, чудовищную.

Я не испытываю никакой враждебности к вам, за ваш выбор единства нашей семьи. Теперь я понимаю, что причиной того, что вы отдалились от меня, был конфликт, который вы, должно быть, испытывали из-за этой дилеммы. Я гордился вами в те дни, когда вы родились, и до сих пор сохраняю эту гордость сейчас, когда вы стали мужчинами. Вернемся к признанию вашей матери. Я так взбесился, слушая ее. Было очевидно, что она не чувствует ни сожаления, ни раскаяния по поводу своего романа. Она даже, казалось, гордилась глубиной и силой той любви, что она испытывала к этому франко-канадскому члену. Когда я ушел на войну, она пыталась объяснить начало романа тем, что ей был нужен кто-то, кто позаботится о ней и о вас двоих. Я развеял это заблуждение, указав, что отношения начались за год до того, как Саддам Хусос даже вторгся в Кувейт. Впрочем, это было единственное, чем я укорил ее тем вечером, так как большую часть времени я был слишком перевозбужден, чтобы говорить.

На следующий день мы поговорили еще раз, когда я немного успокоился. Я пытался заставить ее почувствовать хоть некоторую вину за то, что она сделала, но потерпел неудачу во всех смыслах, кроме одного. Я указал, что другие жены военнослужащих не преодолевали опасность, в которой оказались их мужья, тем, что заводили романы, даже у тех солдат, что были ближе к месту боев, чем я.

Я указал на то, насколько бы я был опустошен, если бы узнал об этом, когда был там, и в насколько большую опасность это бы меня поставило. Или, если бы я узнал по возвращении из Персидского залива, когда страдал от посттравматического стрессового расстройства. Это знание наверняка прикончило бы меня. Мне больно говорить вам обоим, что она просто тупо посмотрела на меня.

Я указал, что все доводы, которые Фил-Дю-Ничтожный-Мудак использовал, чтобы уложить ее в постель, были всего лишь частью умелого соблазнения. Не знаю почему, но только зря потратил дыхание. Я искренне надеюсь, что вы никогда не почувствуете на себе, как

унизительно знать, что, когда ты находишься вдали от дома, твою постель оккупирует другой парень. Это ужасно. Для справки: так и кажется, что он отнял всю твою силу и лишил тебя мужественности. Это намного хуже, чем пуля или осколок. Прискорбно осознавать, что он, должно быть, все время до слез смеялся надо мной.

Я снова сходил с ума, потому что она отказалась выказывать какое-либо раскаяния, кроме как за то, что я все узнал. Я принял поспешное, но правильное решение и сказал ей, что главная причина, по которой я развожусь с ней, заключается в том, что она вбила клин между мной и вами. Я не собираюсь обременять вас, мальчики, или заставлять чувствовать себя виноватым, но должен изложить правду на бумаге. Наш разрыв с вами всегда был для меня источником боли и печали, а также разочарованием. Независимо от того, что я делал или говорил, это всегда было. Я никогда не прощу ей того, что причиной этого стала она.

Когда я сказал ей это, то понял, что она никогда не рассматривала это под таким углом, и подумал, что, наконец-то, достучался до нее. Однако она овладела собой. Вы не поверите, но на самом деле она сказала, что ее любовь к Филиппу Дю Члену оправдывает то, что она обманывала вас. Однако взгляд ее глаз говорил мне, что у нее — проблемы с совестью.

Я снова ушел. Я не мог на нее смотреть. Это было прошлым вечером. Полагаю, ваша мать была слишком смущена, чтобы связываться с кем-либо из вас.

Мне пора идти, потому что у меня назначена встреча. Какой бы ни была ваша роль в этом, я всегда буду вас любить. Пожалуйста, простите меня за наивность в отношении вашей матери, которая поставила вас в невыносимое положение. Мое единственное оправдание — это то, что с вами делает любовь. Вы доверяете, верите и думаете наилучшим образом, пока что-то не сделает это невозможным.

Пожалуйста, не пытайтесь связываться со мной несколько дней. Мне нужно кое с чем разобраться. После того как закончу, я хочу обнять вас обоих.

Ваш любящий отец.

По щекам обоих мужчин без стыда текли слезы. Прошло несколько минут, прежде чем Кевин смог заговорить ровным голосом:

— Мы должны как можно скорее связаться с ним. После всех этих лет он заслуживает правды. Он должен знать, что причина, по которой мы отделились от него, заключалась не в том, что мы держали в секрете ее роман, а в том, что мы не могли справиться с тем, что у мамы есть любовник. Мы должны сказать ему, что она солгала нам.

— Я согласен, но мы можем сделать и кое-что еще.

— Что именно?

— Что ж, уверенность бедного мужчины, должно быть, подорвана к чертям. То, что его жена много лет трахалась с другим парнем, должно быть, ударило его в самое больное место. В прошлом году мне изменила девушка, и это было очень тяжело.

— Но... но...

— Что?

— Но мама сказала, что ты — гей.

— ЧТО ЗА НАХУЙ?!

— Да, она сказала, что у тебя есть парень по имени Марк.

— Чертова сука. Она думает, что я — гей из-за Марка? Потому что у меня сосед по квартире — мужчина? Господи, это же Лос-Анджелес! Разве она не знает, насколько высока арендная плата? И что с того, что у меня есть друзья-геи? Это не делает геем меня. Это лишь чертовски

не дает мне осуждать или отделяться, или как там, черт возьми, они это называют, когда тебе плевать на чью-то сексуальность. Это все потому, что я никогда не знакомил с ней ни одну из своих подруг всякий раз, когда она, блядь, меня навещала.

Повисла ошеломленная тишина. Наконец, Кевин, который никогда раньше не слышал, чтобы Оскар так часто употреблял грязные слова в одном разговоре, снова обрел голос.

— Когда мама сказала мне, я сразу не поверил, так это было на тебя не похоже. В средней школе ты всегда ухлестывал за какой-нибудь девчонкой, но мама говорила так уверенно... И, знаешь, нет ничего плохого в том, чтобы быть геем. — Когда Оскар открыл рот, чтобы, возможно, еще немного поразглагольствовать, Кевин быстро продолжил. — Так, что мы можем сделать с папиной уверенностью?

— Я подумал, что у папы нет уверенности потому, что ее украл Филипп. Он использовал термин «лишение мужественности». Нам просто нужно придумать способ уничтожить Филиппа. Это будет нашим подарком папе. Нашим извинением, если хочешь, за то, как мы с ним обошлись.

— Но Филипп и так мертв.

— Не проблема. Нам просто нужно уничтожить его призрак.

— Как, черт возьми, можно уничтожить призрак?

— Вот это, брат, мы и должны выяснить.

Они снова погрузились в свои мысли. Наконец, Кевин нарушил молчание.

— Есть еще кое-что, что нам необходимо решить.

— Что же?

— Мы должны решить, прощаем ли мы маму.

— Ты серьезно? Сука солгала нам, отказала в уважении к папе и вбила клин между ним и нами, а также между тобой и мной. Теперь она ходит повсюду, говоря людям, что я — гей. Я не могу говорить за тебя, но лично я сейчас не чувствую в себе прощения.

— Некоторые люди могут сказать, что любовь прощает все грехи. Она все время говорила мне, что любит и папу, и Филиппа.

— К черту это, братан. Есть название для тех замужних женщин, что спят с другими мужчинами. И это слово всегда одно — «шлюха».

Поняв, что их братская любовь крепка, Оскар и Кевин составили совместное электронное письмо своему отцу, объясним все и умоляя его о прощении, хотя оно им уже было дано.

Затем Кевин вытащил ящик пива, и они много выпили.

По мере того как тянулась ночь, планы становились все более агрессивными. Они подумали, что последний из них уничтожит многие воспоминания, репутации и одну жизнь. Они были неправы. Он уничтожит как минимум двоих, но этого они предвидеть не могли. В пьяном угаре они думали, что это — идеальный подарок для великого человека, которым был их отец. В три часа ночи Кевин подключился к Интернету, чтобы забронировать места в самолете домой на следующий день.

В холодном свете следующего дня они поняли, что план был слегка экстремальным, и смягчили его, в то время как самолет летел на высоте девяти километров. ***

В то время как его сыновья откинули свои пульсирующие головы на подушки самолета, Роб сидел в ожидании в отеле на горе Роял в Монреале. Абсолютное разочарованный, что не смог убедить жену понять, что она сделала что-то не так, он искал ответы здесь.

«Нет», — подумал он, — «мне не нужны ответы. Я просто хочу раскидать свою боль вокруг. Я

— единственный, кто не сделал ничего плохого. Так почему я — единственный, кто страдает? Пора восстановить этот баланс. И у него был план.

Вчера, по прибытии, он пошел к в дом Аврил. Во время очень неудобного разговора он понял, что, хотя она и сожалела о том, что ее подруга Карен сочла необходимым скрыть от него роман с Филиппом, но не увидела ничего, что лично она сделала неправильно.

Роб не купился на это. Карен и Аврил двадцать лет были подругами. Неужели она говорит правду, что ни разу за все это время не обсуждалась его возможная реакция на отношения Карен и Филиппа? Это было либо ложью, либо абсолютной халатностью со стороны Аврил.

Они расстались, когда Аврил чувствовала себя настолько виноватой, что согласилась пригласить некоторых из членов своей семьи, чтобы Роб мог с ними встретиться. Он попросил собрать их столько, сколько могла Аврил, особенно тех, кто был там в то Рождество 1990 года. Теперь он ждал известий о том, что заговорщики собрались.

Чуть позже часу дня раздался телефонный звонок: клан был собран. Там были мать Аврил и две дочери, а также стареющая мать Филиппа Дю Монт и различные родственники, числом всего пятнадцать.

Роб вытащил карту и снова повторил кратчайший путь до границы. Затем он поехал в дом, который назвал «Поместье кукушки». Будучи в машине, он пересмотрел свои цели. Ладно, цели в единственном числе. Его единственной целью было заставить как можно больше людей понять, что именно он чувствует. Он был полон решимости быть услышанным. Его вчерашняя разведка показала, как именно это сделать. Он усмехнулся и открыл дверцу машины.

Аврил впустила его в парадную дверь и повела в гостиную, в ту же комнату, где они говорили накануне. Роб вошел и направился к огромной каминной полке над открытым огнем, на которой находилась медная урна с прахом его заклятого врага.

Аврил представила собравшихся родственников. Две матери, две дочери и разные тети, дяди и двоюродные братья. После того как Роб отказался пожать первую руку, что была предложена, остальные поняли намек. Все поняли, что это будет неприятно. Роб был рад увидеть, что несовершеннолетних здесь не было. Наступила тишина. Роб, прислонившись к каминной полке, с силой сжал свои бедра.

— Недавно я обнаружил, что у женщины, которую я любил, был роман с Филиппом Дю Монт на протяжении более двадцати лет. Роман, о котором я ничего не знал, но все в этой комнате его одобряли. В настоящее время я развожусь со своей женой.

Роб оглядел комнату. Один или двое отвели глаза. Остальные выглядели слегка смущенными. Пожилой мужчина, возможно, двоюродный брат или дядя, выступал от оппозиции:

— Месье, мадам Дю Монт объяснила нам вашу ситуацию. Вы должны понимать, что для нас, французов, женщина, заводящая любовника, — это вполне нормально. Хотя, к сожалению, она оставила вас в неведении, мы не можем понять, чего вы хотите от нас?

Роб пытался сдержать гнев в голосе. Это был существенный провал.

— В какой культуре мира приемлемо для кого-либо помогать женщине уничтожать своего мужа? А ведь это именно то, что сделала моя жена, и вы, да, каждый из вас, подстрекали ее.

Роб искал, но не заметил раскаяния ни на одном из лиц в комнате, кроме Аврил. Она вспомнила выражение лица Роба, когда впервые выпустила кота из мешка.

Пора причинять боль.

— Я сожалею только о том, что мистера Филиппа Дю Монт уже нет в живых, потому что теперь я никогда не смогу сказать ему в лицо, каким жалким куском гнилья он был.

Вспыхнул бедлам. Заговорили сразу пятнадцать человек. Роб позволил всему этому прокатиться над ним. Наконец, все успокоилось, и все тот же представитель обратился к Робу:

— Мой двоюродный брат Филипп был великим человеком. Прекрасным художником и реставратором. Мы чтим его память.

Роб понял, что пора положить конец этому фарсу.

— Вот все, что я думаю о «великом» Филиппе Дю Монт.

Говоря это, Роб выпрямился в полный рост, повернувшись к камину. Он схватил урну с прахом мужчины, которого никогда не встречал, но страстно ненавидел. Он знал, что следующая часть его плана содержит потенциальный изъян, имея несколько непредвиденных обстоятельств. К счастью, крышка урны легко открутилась. Положил на полку крышку и, все еще глядя на камин, одной рукой расстегнул ширинку и с огромным облегчением начал мочиться в урну. Через плечо он видел потрясенные лица по всей комнате. Они были слишком ошеломлены, слишком не верили своим глазам, чтобы двинуться с места.

Аврил отреагировала первой, примерно после двух третей его выступления. Она бросилась на Роба и обеими крошечными руками схватила урну, пытаясь вырвать ее из крепкой хватки Роба. Их возня заставила Роба потерять контроль над направлением своего потока. Он ослабил хватку, но продолжил с не меньшей силой ссать, залив торс Аврил. Она в ужасе посмотрела вниз, убрала руки с урны и попятилась с выражением отвращения на лице. Ее хныканье от боли и отвращения было музыкой для ушей Роба.

Роб закончил и вернул член в штаны. Подхватив урну и беспрепятственно проскочив к двери, ведущей обратно в холл, он пошел по отрететированному заранее маршруту в ванную прямо по коридору. Услышав позади себя быстрые шаги, он ускорился. Достигнув двери ванной, он ворвался внутрь, вошел и запер за собой дверь на защелку.

Высыпав в унитаз примерно половину пепла, он нажал на смыв. К этому моменту удары в дверь становилось все более сильными. Крики не стали дружелюбнее. Держась одной рукой за дверь, он ждал, пока резервуар опорожнится, и высыпал в него остатки пепла.

Подождав, пока наполнится бачок, Роб смыл остатки пепла с внутренних сторон урны над маленькой раковиной и вылил их также в унитаз. Было не совсем удобно выполнять задание, удерживая свою позицию, но его решимость давала ему необходимую ловкость. Как только он услышал, как медленно наполнился бачок, он снова смыл. Бросив теперь уже пустую урну в унитаз, он сдвинул фиксирующую задвижку и отступил.

Он мрачно улыбнулся. Первая часть его плана была выполнена. Теперь необходимо позаботиться о второй части — побеге.

Через несколько секунд дверь распахнулась. Роб опустил плечо и врезался в пятерых или около того мужчин на своем пути. Удивительно, но они не преградили ему путь, когда он вернулся в гостиную. Возможно, они были слишком шокированы — все слышали, как сливается унитаз, и точно знали, что произошло. На стуле неудержимо рыдала Аврил.

— Для Филиппа Дю Монт это — то самое место, что он заслуживает. — Роб сделал паузу для эффекта. — Вместе с другими какашками.

Остановившись ровно настолько, чтобы взглянуть на всех оставшихся в комнате, Роб плюнул на портрет Филиппа Дю Монт.

Его цель была достигнута, ухмыляющийся муж Карен Макдональд ушел. Он понятия не

имел, возможно ли обвинить его в нападении на мертвого человека, но не хотел выяснять. Через час и пятнадцать минут он пересек границу.

К тому времени, когда двое сыновей Роба прибыли в свой родной город, было уже поздно ехать в их старый дом с визитом. Оба втайне этого боялись. Они поселились в мотеле, позвонили старым школьным друзьям и вышли повеселиться. Глядя на своего младшего брата, занимающегося сексом, Кевин задавался вопросом, как его мать могла когда-либо заподозрить, что он — гей.

Понятно, что на следующий день они снова страдали с похмелья. И только после обеда, когда почувствовали себя достаточно хорошо, они поехали на арендованной машине к своему старому дому. Ответа от отца на их электронное письмо не было, и он все еще не отвечал на свой телефон. Они оба почувствовали по этому поводу некоторое облегчение. Если бы он узнал об их плане, то, они оба были почти уверены, запретил бы его. Это поставило бы их в трудное положение: отказаться от того, что, по их мнению, им действительно требовалось сделать, или спорить с ним. Этого никто не хотел. Не сейчас. На подъездной дорожке стояла незнакомая машина. Они вошли в незапертую парадную дверь. Увидев сыновей, Карен была удивлена и обрадована. Она совершенно не замечала, что их ответные приветствия были неестественными. Она затащила их в гостиную и представила мужчине, сидящему на диване с записной книжкой. Джон был репортером национального художественного журнала.

Оскар проследил направление взгляда Кевина на портрет их матери, поставленный на каминную полку. Обнаженный, очень сексуальный портрет их матери. Как и Кевин, он съежился и быстро отвел взгляд. Он не хотел, чтобы в его голове был этот ее образ.

Джон отметил их реакцию, пожав руки обоим.

— Ваша мама только что рассказала мне об этой великолепной картине и о ее романе с Филиппом Дю Монт. Я пишу статью о картине и о том, что она станет центральным элементом предстоящей выставки Дю Монт.

Кевин и Оскар, как один, повернулись и в шоке уставились на мать. Она ответила им решительным взглядом.

— Что случилось? Теперь, когда ваш отец все знает, я, наконец, могу открыто говорить правду. Я любила Филиппа, и теперь могу почтить эту любовь и картину, которая прославляет ее.

Она, было, перестала смущаться, когда, наконец, заметила враждебность в ошеломленных взглядах на их лицах.

— Слушайте, мне очень жаль, что ваш отец узнал о моем романе с Филиппом, но это была не моя вина. — Оскар, после того что сказала мне твоя мама, я очень удивлен твоей агрессивностью.

— Почему? Что она тебе говорила?

— Она сказала, что ты — гей.

Оскар отшатнулся. Неужели преступлениям его матери нет предела? Типично для многих молодых людей, которые не были ультра-мужественными, Оскар всегда подсознательно беспокоился о том, что некоторые могут счесть его геем. Одно дело, что так думала его мать, но рассказывать совершенно незнакомым людям, предварительно не поговорив с ним, было ужасно омерзительным. Почему она не спросила об этом его? Ее вера, ее высокомерие, что она все знает лучше всех, приводили его в ярость. В этот момент неосознанное желание

причинить боль трансформировалось в желание убить. Согласованный план Б, ограниченное нападение на их мать, был отвергнут в пользу пьяного, созревшего в два часа ночи, плана А.

Кевин наблюдал за игрой эмоций на лице своего брата. Имея психическую связь с братом, он понял, что за этим последует. С бесстрашием, которого не хватало его брату, он закричал:

— Братан, План Б, ПЛАН Б!

Этот крик попал в глухие, разъяренные уши. Оскар отвернулся от репортера, сделал четыре шага и посмотрел на мать. Он изо всех сил старался сохранить свой голос ниже ста двадцати децибел. Ему это удалось, но он не смог сдержать в своем голосе злобу:

— Почему ты не скажешь ему, мама? Скажи ему, что Филипп Дю Монт никогда тебя не любил. Что он использовал тебя, чтобы добраться до нас. Что когда он жил с нами, в то время как наш отец, наш защитник, уехал, после того как он пробрался к тебе в папину постель; он часто навещал нас в нашей. Как ты пригласила хищника в наш дом и ничего не сделала, в то время как он насиловал твоих детей.

Чувства и эмоции в комнате в этот момент были слишком шокирующими и несопоставимыми, чтобы их описать.

Оскар ждал, пока значение его слов дойдет до матери, желая вернуть хотя бы часть той боли, что она обрушила на него, его брата и его отца.

Кевин был слегка шокирован тем, что они так быстро потеряли контроль над ситуацией. Их план Б, чтобы ограничить эту дезинформацию только их матерью и, возможно, Аврил Дю Монт, был отменен в пользу плана А, первоначального ядерного варианта. Однако это не помешало ему поддержать своего младшего брата.

Джон был потрясен, затем взволновался. Он знал, насколько велика эта история. Прошло ровно семнадцать и две десятые секунды, прежде чем в его сознание оптимистично вошло слово «Пуллитцер».

Карен, уже пошатнувшаяся от неуверенности в себе и чувства вины, не могла осознать, что сказал Оскар. Несоответствие между изображением Филиппа, которым она дорожила, и существом, которое описывал ее сын, было слишком большим. Ее сознательный разум боролся, чтобы остановить бегство в бессознательное. Последний желал все полностью отрицать. Предыдущий же хотел обнять и защитить своих детей. Она оторвала взгляд от Оскара и посмотрела на Кевина, который согласно кивнул.

Обладая естественной объективностью, свойственной журналистам, Джон первым открыто среагировал на этот эффект разорвавшейся бомбы. Он повернулся к Карен:

— Пожалуйста, скажите мне, что вы не знали о том, что происходило. Ваше увлечение Филиппом, конечно же, не смогло бы заставить вас мириться с этим.

В голове Карен бушевала битва. Любовь, прекрасные воспоминания, воспоминания об удовольствиях бродили по кругу, чтобы противостоять натиску сомнений и последствий этого ужасного откровения. Возможно, это была бы ничья, если бы не пятая колонна. Враг в лагере. В то время как ее новое знание стучалось в ворота, ее собственная скрытая вина снимала защелку изнутри. Сотни аргументов боролись за то, чтобы быть услышанными. Один из них был, что это — ложь. Роб был прав: эксперт обманул ее и полностью использовал. Внешним проявлением всего этого конфликта было то, что она откинулась на спинку стула, с открытыми глазами глядя прямо перед собой, бормоча бессвязные слова. Джон поспешно отступил. Ему нужно было подать историю. Он вернется позже, чтобы узнать подробности. Возможно, когда атмосфера не будет такой ядовитой.

Два младших Макдональдса тихо посовещались и ждали, чтобы поговорить со своей матерью, когда она вернется. Решили сыграть по обстоятельствам. Если она, наконец, проявит раскаяние, они скажут ей правду. Если же она этого не сделает, то намажут толще. Эта логика была ошибочной. Дела хуже не быть уже могли.

Чтобы оправдать свое прошлое поведение перед собственной совестью на протяжении многих лет, Карен выделила часть своей души в безопасности за стеной, но плохие элементы разъедали, атрофировались, сгнивали. Эта гниль начала поражать защищающие ее стены. Теперь они рушились.

На обратном пути с горы Роял Роб проанализировал результаты своих действий. Несмотря на удовлетворение, он знал, что они никогда не станут достоянием общественности. Как сделать больно мертвому? Если указать Филиппа в качестве похитителя жен, то это займет тридцать седьмую страницу любой газеты, сразу после раздела «Лемминги на продажу».

Разочарованный, он вернулся к методике мышления, которая работала на него в прошлом. Перестать об этом думать. Иногда решение приходит неожиданно.

Он остановился в придорожном ресторане на очень поздний обед. Зайдя в местный вайфай, он прочитал электронное письмо своих сыновей, вернулся к своей машине и какое-то время был взволнован. Вернувшись на дорогу, он позвонил Кевину и был приятно удивлен, что оба мальчика уже были в городе. Они договорились встретиться в отеле как можно скорее.

Встреча прошла, мягко говоря, в экстазе. Годы вины и разочарования уступили место непреодолимой любви, которой так долго не хватало. Когда он почувствовал, что его сыновья разделяют его желание навредить памяти Филиппа и его сообщников, Роб поделился с ними своими дневными делами. Кевин и Оскар захохотали, когда Роб рассказал о своем втором посещении дома на горе Роял.

Таким образом, прошло около трех часов после воссоединения, когда сыновья Роба рассказали свою собственную историю о возмездии. Они начали с объяснения своей мотивации — разрушить приятные воспоминания матери и нанести посмертный ущерб Филиппу в качестве подарка и оливковой ветви отцу.

Роб слушал рассказ с нарастающим ужасом. После того как они быстро добавили, что обвинения против любовника их матери были полностью вымышленными, у него возник конфликт. Будучи более зрелым мужчиной и отцом, он знал, что обвинять кого-то в растлении малолетних — настолько плохо, насколько лишь возможно. В глубине души он гордился их тактикой, но в то же время был потрясен. Когда они описали воздействие на свою мать, прозвенел сигнал тревоги.

— К тому времени, когда вы, ребята, ушли, она уже была в порядке?

— Гм, я думаю, да. Она пробормотала что-то о желании побыть одной. — Неуверенный ответ Оскара не успокоил Роба. Он повернулся к Кевину, выражение лица которого не уменьшило его опасения. Он мог ненавидеть то, что сделала Карен, и хотеть с ней развестись, но он не хотел ее уничтожать.

По молчаливому соглашению все они запрыгнули в машину Роба и направились домой.

После долгих слез Аврил ехала четыре часа на встречу с Карен, ей требовалось рассказать кому-нибудь, кто действительно знал и любил Филиппа, о том непростительном, что совершил Роб. Видеть такое осквернение праха ее покойного великого мужа было просто...

ужасно. Как женщина, Аврил точно знала, как избавиться от боли: надо поделиться ею с кем-то, кто любил Филиппа так же сильно, как и она.

То прекрасное, что разделяли Карен и ее Филипп, уже превратилось в гангрену. Вдали от гипнотического влияния Филиппа ее собственные воспоминания, очищенные словно аэрографом, начали показывать трещины, вторгаясь в реальность. А реальность рисовала гораздо более жестокой кистью. Более уродливые штрихи.

Она вспомнила то время, когда впервые узнала о различных интрижках своего мужа. Как же они ее злили. Нет, не злили... делали беспомощной. Отвергнутой и неадекватной. Она была ничем, никем, замужем за чужим человеком. Если бы она возражала против его действий, то рисковала бы потерять его. Она начинала понимать, что всегда находила это унижительным, но подавляла эти чувства ради собственного психологического выживания. Как еще она могла сохранить свою любовь? Чтобы успокоить собственное возмущение после обнаружения первого романа Филиппа, она настояла на том, чтобы они сделали свой брак открытым, но однажды, когда она предложила реализовать свое право завести любовника, Филипп отреагировал отрицательно. Он несколько месяцев не прикасался к ней, после ее увлечения. Наказывал молчаливым отказом. Она хорошо усвоила урок и в последующие годы довольствовалась тем, что разделяла с ним любовниц своего мужа.

Когда никто не ответил на ее стук, она повернула ручку незапертой двери и вошла. Она нашла Карен в кресле, уставившуюся на картину на полке. Она выглядела нехорошо. Собственные проблемы Аврил на данный момент были отложены в сторону. Она упала на колени перед подругой.

— Шери, что случилось?

Битва в голове Карен только что закончилась. Победитель так же неизбежен, как просыпаться завтра старше, чем сегодня. Воспоминания о любви, ошеломляющем счастье и удовольствии лежали в дымящейся куче. А над кучей стояло чудовище, называемое ненавистью к себе. Зверь объединился вокруг двадцатилетия подавленного чувства вины. Это были воспоминания о гневе Роба, Кевина и Оскара. Покров, придававший внешний лоск, представлял собой видоизмененные остатки воспоминаний. Каждый хороший элемент в нем превратился в плохой.

Для определения внешнего покрова не требовалось профессионального зрения. Это было определенное знание, что она потерпела неудачу в своей самой важной роли — роли матери. Совершенно необходимо, чтобы за миллион лет эволюции почти каждый вид становился более развитым, чем таракан. Обязанность защищать своих детенышей. Это было достаточно плохо. Тот факт, что она с самого начала внесла опасность в свое гнездо, был в сантиметрах от того, чтобы уничтожить ее.

Последней соломинкой стала Аврил. Последний остаток сознательного разума Карен Макдональд, неспособный принять вину за разрушение, обрушился на нее. Не отрываясь взглядом от картины, она заговорила глухим голосом:

— Я пригласила Филиппа Дю Монт в свой дом, а он приставал к моим детям. Я позволила это. Ты позволила.

Аврил покачнулась на коленях, словно от удара. Слова Карен были произнесены с такой абсолютной уверенностью, что игнорировали любое логическое отрицание. Она оказалась в том же месте, что и Карен до того. Взглянуть на противоположные концы огромного поля, с воспоминаниями с одной стороны и новыми фактами — с другой.

— Но, Шери, это не может быть правдой. Мой Филипп никогда бы не...

— Он это сделал. Здесь только что были мои сыновья. Они сказали мне и тому репортеру, которого ты прислала. Я — плохая мать, и скоро об этом узнает весь мир. Ты это позволила.

— Но, Карен. Это не может быть правдой...

— ОН НАСИЛОВАЛ МОИХ ДЕТЕЙ, И ТЫ ЭТО ПОЗВОЛИЛА!

Прежде чем Аврил успела отреагировать, Карен выскочила из кресла, сбив крошечную женщину. Разъяренный монстр подлетел к камину и схватил картину. С нехарактерной для нее силой Карен крепко схватилась за раму с каждой стороны и поднесла к поднимающемуся правому колену. Деревянный каркас раскололся на несколько частей, которых стало около пяти, поскольку разъяренная женщина продолжала разбивать его о деревянную полку над камином.

Наконец, холст был освобожден от большей части рамы, кроме как с одной стороны, все еще прикрепленной полудюжиной скоб. Карен свернула его, открыла дверцу камина и с помощью кочерги запихнула все это туда. Голодное пламя быстро поглотило маслянистую краску.

Карен поднялась с желанием убить в глазах и повернулась к Аврил с железной кочергой в руке. Аврил увидела выражение глаз Карен и поняла, что ей грозит серьезная опасность. Она вскочила и побежала к двери. Скользящий удар кочерги по ее голове сделал бы больше чем заставил ее просто споткнуться, если бы ударил полностью. Со звоном в ушах она помчалась к своей машине и сбежала.

Пятнадцать минут спустя Роб и его дети вбежали в открытую входную дверь. Они осмотрели повреждения в гостиной, но поиски дома не выявили, ни Карен, ни ее машины, как они с опозданием обнаружили.

Час спустя они все еще обсуждали, что делать, когда позвонили из полиции. Карен была арестована за нанесение уголовно-наказуемого ущерба. Мчась в отделение полиции, Роб выслушивал дежурного сержанта. Его жена была арестована в Южном торговом центре, где успешно разбила полдюжины картин, которые, как известно, были отреставрированы легендарным Филиппом Дю Монт. Роб знал эти картины. Именно их восстанавливал Филипп, когда впервые встретил Карен.

Когда служба безопасности впервые попытались остановить Карен, она заставила одного из охранников потерять сознание с помощью железной кочерги. Потребовался тазер, чтобы, наконец, взять ее под контроль. Нет, он не может ее видеть. За десять минут до этого приехала скорая помощь, и его жене вкололи успокоительное и доставили в больницу. Сержант назвал местную психлечебницу.

Эпилог

Робу было отказано в доступе к Карен в больнице, поэтому он вернулся домой. Он выдал из своих сыновей название журнала. Он не разговаривал с Джоном, но проинформировал его редактора об имевшем место розыгрыше. История должна была умереть там, если бы не массовое коллективная ошибка в суждениях.

Аврил вынесла известие о грядущем позоре для имени ее покойного мужа на семейное собрание. Часть семьи с ее стороны немедленно отшатнулась, стараясь держаться как можно дальше от Филиппа Дю Монт. Зная, что случилось с такими известными художниками, как Рольф Харрис, они не сомневались в будущем.

Часть семьи со стороны Филиппа позвонила одному из своих членов, работавшему в маркетинговой компании. Та убедила их, что их лучшая стратегия — это действовать на

опережение, проведя пресс-конференцию до публикации статьи в журнале. Никто даже и не подумал, возможно, из-за коллективного помешательства, попытаться скрыть появление статьи. Им помешало принятое во французской культуре отсутствие осуждения внебрачных связей. Все те же культурные, республиканские чувства свободы прессы усугубили все.

Так миру открылась эта история. Благонамеренная, но в ретроспективе ошибочная попытка уменьшить ущерб. Пресса набросилась на труп. СМИ Олбани со студиями местной связи были повсюду. Карен осуждали как сообщницу или, по крайней мере, нерадивую мать. Ее вандализм в отношении реставрационных работ Дю Монт в Южном торговом центре подтвердил эту историю. Они оставили Кевина и Оскара в стороне, после того как те публично отрицали совершенное над ними насилие. Многие жертвы не хотят, чтобы их страдания были признаны открыто.

Аврил никогда больше не разговаривала ни с кем из семьи Роба, и ни она, ни ее дочери никогда так и не узнали, что там было правдой. Стоимость работ Филиппа резко упала, поскольку все пытались выбросить их на продажу, прежде чем их ценность снизится до нуля. Маленькие мемориальные доски рядом с картинами с надписью «отреставрировано Филиппом Дю Монт» незаметно исчезли. Учебники, включая описания его методик, постепенно редактировались и переиздавались, уже без его упоминания. Его дочери, которые чттили его память, сохраняя его фамилию, незаметно приняли фамилии своих мужей.

Выставки его работ так и не было. Его память была стерта из истории. Поле памяти Филиппа Дю Монт было засеяно солью.

Напротив, свалка, содержащая прах покойного художника, смытого в канализацию, вместе с тысячами тонн обработанных фекалий от его соседей, превратилась в зеленый оазис, любимый счастливыми семьями для будущих поколений.

Из-за того, что гонорары сошли на нет, а стоимость картин Филиппа приблизилась к стоимости дров, Аврил была вынуждена продать семейный особняк. Она умерла в реальной нищете, проклиная Карен за то, что та полностью разрушила ее жизнь и, косвенно, через своего покойного мужа, ее место в учебниках истории.

Некоторое время Роб задавался вопросом, стоит ли ему поддерживать Карен и поощрять какое-то примирение между ней и мальчиками. Затем заключил: «К черту». Она заставила его жить во лжи двадцать лет. По сути, украла все счастливые воспоминания о том, что должно было быть лучшим временем в его жизни. Он чувствовал, что за это он ей вообще ничего не должен. Мальчики были достаточно взрослыми и сердитыми, чтобы принимать собственные решения, и он поддерживал все, что они выбирали.

Все, что он был должен, — это ему самому. Он должен был наверстать упущенное из-за разлуки с сыновьями. Он был обязан себе шансом закончить свои дни с кем-то, кто действительно любил бы его так же сильно, как он любил ее.

Но обо всем по порядку. Роб, Кевин и Оскар упаковали свое старое туристическое снаряжение, удочки и примерно полбочонка бурбона. Воспоминания о той неделе расплылись в тумане, но в конце ее всплыли трое сплоченных мужчин. Они все еще находят время собираться вместе на неделю в году и делать что-нибудь подобное. Их отношения больше никогда не подвергались сомнению.

Роб думал, что никогда не сможет поверить другой женщине. Он боялся своей способности по-настоящему читать ее чувства. Затем встретил Беллу. Он сразу понял, что та не умеет скрывать своих чувств, и что она не способна на лукавство. Он поклялся, что будет точно

таким же. Отношения были довольно новыми, и Роб попытался отложить их ежегодную поездку через два года после первой. Белла подслушала его по телефону с Кевином, настояла на разговоре с ним, выявила реальную причину и сказала Робу, что на этой неделе ее не будет на связи. Этот эпизод укрепил тесную связь между сыном и мачехой, и Кевин гордо стоял рядом со своим отцом два года спустя на их свадьбе.

Карен по совету психолога не виделась со своими сыновьями в течение четырех месяцев, находясь в больнице. С ее внутренними демонами, угрожающими утопить ее в отчаянии, система даже не думала о ее выписке. К тому времени, когда ее выписали, было уже поздно. Письмо с извинениями, которое ее адвокат посоветовал ей отправить Робу, чтобы, как он надеялся, начать рассеивать вину, было возвращено с надписью «адресат выбыл». Роб съехал из дома и ушел из ее жизни.

Когда у нее, наконец, хватило смелости связаться с Оскаром, тот недвусмысленно дал ей понять, что с учетом того ущерба, что она нанесла ему и его отцу, она, должно быть, шутит, полагая, что они снова могут иметь отношения матери и сына. Он так и не смягчился, и на момент своей смерти Карен видела только фотографии трех его дочерей и одного сына.

Кевин вообще-то пытался наладить отношения с матерью, но они были натянутыми. Карен продолжала испытывать чувство вины за то, что навязала своему сыну, и, несмотря на все его усилия, Кевин все еще чувствовал сильное негодование из-за того, что она отняла у него так много его жизни, его детства.

Ближе к концу их время вместе было настолько неловким, что Кевин с извинениями отказывался от встреч, а то и отправлялся в долгую поездку. Фактически, впервые Карен встретила новую жену Кевина после рождения их первенца. Карен подлетела к ней, но было очевидно, что Мелисса относится к ней с абсолютным презрением и ни на йоту не доверяет. Карен отругала сына за то, что он рассказал Мелиссе о ее отношениях с Филиппом Дю Монт, сумев шокировать его. Идея скрывать что-либо от жены была для него чуждой. Карен, как обычно, не видела в этом проблемы. Пятна леопарда никогда не смыть.

Вся неделя была настолько неудобной, что Карен поклялась, что этого никогда не повторится. Она пыталась уговорить Кевина привезти ее внуков к ней без жены, но он справедливо отказал.

Не имея семьи, в то время как ее избегали ее старые друзья, и с тем, что хоть насилие над ее детьми и не подтвердилось «но осадочек остался», сердце Карен, наконец, сократилось в последний раз в раннем возрасте пятидесяти восьми лет. Не зная, что делать с ее прахом, Кевин разбросал его на заднем дворе дома, которого она почти не покидала последние несколько лет. На похоронах присутствовал его отец, но только чтобы поддержать сына.

Той ночью соседский кот-гулена обнюхал необычно пахнущую землю, и когда ему стало скучно, он выкопал в мягком месте на земле неглубокую ямку и залез в нее. Затем он соизволил ответить на крики своей хозяйки, зовущей вернуться домой к обеду. Боже, он ненавидел имя, которое ему дали. Кто, черт возьми, назовет кота Филиппом?